

Книги Владимира Корна
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

АРТУА. ЗОЛОТО ВАЙХОВ
АРТУА. ЗВЕЗДА ГОРНА
АРТУА. УЧЕНИК УЧЕНИКА
АРТУА. БЕРЕГ СКАРДАРА
АРТУА. ДВОРЕЦ ДЛЯ ЛЮБИМОЙ

ДАРИУС ДОРВАН. НАЕМНИК

ВОСЕМНАДЦАТЬ КАПСУЛ КРАСНОГО ЦВЕТА
ОТРЯД СМЕРТНИКОВ

КРИСТИАН ФЛОЙД. СТРАЖ ЛИБЕРИЛЛЯ

СЧАСТЛИВЧИК ЛЕОНАРД
УДАЧНИК ЛЕОНАРД. ЭХО ПРЕЖНИХ
ВЕЗУНЧИК ЛЕОНАРД. ЧЕРНЫЙ КОРСАР

ТЕОРЕТИК
ТЕОРЕТИК. ОДИН И БЕЗ ОРУЖИЯ
ТЕОРЕТИК. РЕКВИЕМ ПО МЕЧТЕ
ТЕОРЕТИК. ХРАМ ИЗ ХРУСТАЛЯ
ТЕОРЕТИК. ВТОРОЙ ШАНС

АДЬЮТОР
АДЬЮТОР. ВОЛКИ С ВЕРШИН ДЖАМАНГРЫ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР КОРН

ТЕОРЕТИК.
ВТОРОЙ ШАНС

РОМАН

Москва, 2022
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К67

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1320

Художник
М. Поповский

Корн В.
К67 Теоретик. Второй шанс: Фантастический роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2022. — 281 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-3442-8

На этот раз Теоретику предстоит покончить со своими врагами — нашедшей себе убежище в глубине гор бандой перквизиторов и их главарем негодяем Гардианом. Уничтожить за все то зло, которое они сотворили. На борьбу с этим злом поднимаются люди из множества поселений на этой дикой планете, казалось бы, победа неминуема. Но вот выясняется, что все безнадежно проиграно... И как же замечательно, что судьба дает Игорю второй шанс! Никак нельзя упустить его, потому что другого уже не будет.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-3442-8

© Владимир Корн, 2022
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2022

ПРОЛОГ

Мы шли медленно и осторожно, опасаясь, что в любой миг враг встретит нас шквальным огнем из засады. Короткие перестрелки в столице перквизиторов — Центре время от времени возникали то справа, то слева, но открыть огонь нам не пришлось ни разу. Что выглядело странным и непонятным.

Я мельком оглядел лица Славы Профа, Бори Гудрона, Остапа, Трофима, Гриши, спокойные и сосредоточенные. Янис с Ирмой — наше снайперское прикрытие — оставались где-то позади. С ними и была Лера, при воспоминании о которой стало намного легче. Все-таки я ее нашел! Или она меня. Хотя, точнее всего, встретились мы совершенно случайно.

— Скоро будет центр, — негромко сказал Трофим.

— Центр Центра, — поправил его Остап. — Звучит забавно. Кстати, откуда знаешь?

— Ночью приснилось. Явственно так! — хмыкнул Трофим. — От языка конечно же. Как его там звали, Пихля?

— Кто бы их всех упомянул? — пожал плечами Гудрон.

Давая себе небольшую передышку, мы на время задержались там, где пусть и немного, но можно расслабиться — в развалинах очередного дома, которых здесь

множество. А заодно перекинуться несколькими словами, намолчались по дороге сюда. Если не считать редких, коротких, но таких информативных фраз, как «движение на двенадцать», «перебежкой по два» и тому подобные.

— Этот тип, пытаюсь продлить себе жизнь, пел так, что, попроси его, он бы мне «Войну и мир» полностью пересказал. Причем с выражением и в лицах, — продолжил Трофим. — Если, конечно, читал.

— Скажи еще, что тебе самому удалось осилить. — Гудрон не был бы самим собой, если бы не подковырнул любого и по ничтожному поводу. А зачастую и вовсе без них: такой у Бориса склад характера.

— В отличие от некоторых, — отбил подачу Трофим. И, чтобы развеять сомнения, которые возникли наверняка, причем не только у Бориса, добавил: — Знаешь, с чего начинается четвертый том? — Пауза. — С вечера у Анны Павловны. Хотя откуда бы тебе о ней знать? Темный ты человек, Борис, недаром же тебя Гудроном прозвали!

«Это жадры, — с грустью размышлял я. — Благодаря им они и ведут себя, и разговаривают так, как будто мы не в ситуации, когда нас можно накрыть всех сразу одной-единственной гранатой, а где-нибудь в полной безопасности, например, на Вокзале».

— Так вот, — продолжил Трофим, убедившись в том, что в его компетентности по данному вопросу ни у кого сомнений не возникло, — продвинемся на север чуть дальше, и перед нашими взорами откроется нечто вроде площади. А по центру ее будет, так сказать, резиденция Гардиана. Чтобы не спутали, она представляет собой Дом культуры из какого-нибудь там Гадюкина. Два этажа кирпичной кладки, ну вы и сами немало их повида-

ли. С внесением в его архитектуру некоторых изменений уже здесь. Для удобства обороны конечно же. Как-то: брустверы из мешков с песком где только можно. И ряд амбразур в стенах, проектом не предусмотренных.

Столица перквизиторов даже издалека — с вершины горы — выглядела впечатляюще. Никогда прежде мне не доводилось видеть, чтобы в одном месте оказалось такое количество земных строений. Разнообразных — от торчащих пальцем в небо высоток до самых обычных двухэтажных панелек. От приземистых, явно промышленного назначения зданий до выглядевших совсем уж убогими бревенчатых избышек. И еще ходили слухи, что именно отсюда все и началось — с Центра. Первые дома, первые люди... Во всяком случае, Вячеслав Ступин по кличке Профессор — самый умный из нас и уж по крайней мере самый образованный — не далее как сегодня утром высказал предположение, которое невозможно ни доказать, ни опровергнуть.

— Тот или те, кто все это и затеял, уж не знаю, с какой именно целью, — Слава подразумевал перемещение сюда с Земли зданий, людей и множества предметов, благодаря которым люди и смогли прижиться и уцелеть на дикой, кишасей опасными созданиями планете, — наверняка начинали именно отсюда. Убедились, что не все так просто, и уже затем действовали иначе. Если все мы не пациенты психушки.

Это была любимая концовка Профа, и она стала той фразой, которой частенько каждый из нас завершал свою мысль, если та не казалась ему убедительной.

Но, как бы там ни было, если посмотреть на те здания, которые лежали на боку, резон в его словах был. Все-таки установить двадцатиэтажный дом без всякого

фундамента так, чтобы грунт под ним не поплыл, а сам он не завалился, сложно и таким волшебникам, про которых наш Проф и говорил.

Я еще раз оглядел своих спутников, явно дожидавшихся команды, прошелся ладонями по разгрузке — все ли там как нужно, чтобы в любой миг под рукой, и объявил:

— Потопали. Но не напрямик, слева зайдем.

План Центра я более-менее представлял по схеме, которую Трофим набросал со слов давно уже покойного Пихли. И потому лезть на площадь, которая простреливается из резиденции Гардиана — а она вполне могла стать последним оплотом перквизиторов, — не имело ни малейшего смысла. Пусть все настойчивее лезла в голову мысль — перквизиторы из Центра ушли. Узнали, какие силы собрались штурмовать их прибежище, и заблаговременно его покинули.

Едва мы отправились дальше, как я невольно оказался за спинами остальных. Поначалу такая опека ужасно раздражала, затем смирился, пусть и неокончательно. И еще было в какой-то степени обидно. Ладно бы ценился какими-то особенными навыками. Врача, например, которые здесь котируются выше всех остальных. Так нет же — даром эмоционала, человека, способного заполнить жадр.

«Ладно, жизнь необходимо принимать такой, какой она и является на текущий момент», — утешил я себя сентенцией доморощенного философа Гудрона, в тех редких случаях, когда он не клоун. И тут же взял под контроль личный сектор ответственности, а он имеется у каждого и в любой ситуации. Моя задача была еще и в том, чтобы как можно чаще оглядываться назад — в тыл, опасность откуда тоже не исключалась.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Посмотрите-ка, у этого мерзавца Гардиана даже трон есть! — не переставал удивляться Остап.

Мы стояли посреди помещения, которое на Земле в Доме культуры выполняло функции кинозала. Хотя полностью уверен, там оно по-прежнему продолжает его реализовывать. Мысль о том, что сюда переносятся копии если уж не людей, то всего остального, завладела всеми давным-давно. Ладно люди, они на Земле исчезают во множестве. Иных какое-то время спустя находят, другие пропадают бесследно и навсегда. Но кто-нибудь хотя бы раз слышал, не говоря уже о том, чтобы видеть, — из условного Воронежа, Тайшета или Сан-Паулу пропало здание железнодорожного вокзала? А тот здесь есть, и он дал начало, а заодно и название самому крупному из встреченных мною поселений. Ну и что после этого думать? Трон не трон, но огромное кресло во главе длиннющего, персон на пятьдесят, стола действительно присутствовало.

— Царьком себя чувствовал, и не говори, — презрительно покривился Трофим. — А стол, вероятно, для его приближенных. Спрашивается, а как же тогда «равные среди равных», как перквизиторы сами себя называют?

Только что подошедший Слава Проф пожал плечами.

— Что, когда-то и где-нибудь было по-другому? Нездаром же говорят: все люди равны, но некоторые равнее других. — И обратился ко мне: — Игорь, тебя Петрович попросил к нему подойти. Он сейчас, так сказать, в личных апартаментах Гардиана.

Андрей Петрович Жамыхов командовал нашим сводным отрядом, который должен был раз и навсегда покончить с перквизиторами. Увы, но мы не увидели в Центре никого, кроме двух десятков смертников из числа «детей вазлеха», оставленных, чтобы создать видимость сопротивления. И куда большее количество трупов. Наверняка казненных, поскольку у каждого в затылочной части была размозжена голова. Среди них немало женщин, как правило молодых. Их-то за что? Чтобы не связывали по ногам при бегстве? По какой-то иной причине? Хотя после всего того, что удалось узнать об перквизиторах, стоит ли удивляться? «Звери в человеческом облике», — как выразился Янис Артемон.

— Трофим, пошли вместе со мной.

Можно не сомневаться — на совещание, где предстоит решить, что делать дальше, и его мнение для меня важно. И еще в компании Трофима я буду чувствовать себя куда увереннее.

Жамыхов действительно ждал нас там, что Проф назвал апартаментами. Обитель Гардиана, как непременно выразился бы Боря Гудрон, была обставлена с пошлой роскошью. Одно ложе алого цвета в форме сердца, которое было видно через приоткрытую дверь спальни, чего только стоило. На стенах висело множество картин вперемешку с головами местных хищников. Портреты, пейзажи, графика... А еще там хватало плакатов. Ярких, красочных и посвященных одной тематике — полно-

стью или почти полностью обнаженные девицы. Конечно же земного происхождения.

Всегда поражался логике тех или того, кто отправляет сюда предметы. Все без исключения, от автомобилей, самолетов и тепловозов до пустых бутылок и откровенной ветоши, идет в ход. Что-то разбирается на части, чтобы превратиться в более насущное. Что-то служит в том виде, в котором сюда и перенеслось. Но зачем отправлять те же картины?! Почему бы не заменить их на лекарства? С ними здесь настоящее бедствие. А пейзажи с натюрмортами написали бы и местные художники, на свою беду угодившие сюда тоже. Тем более земные пейзажи не в пример местным по колоритности, причудливости растений и ландшафтов, значительно им уступая. По дороге в Центр мы наткнулись на рощу таких исполинов, что в сравнении с ними даже знаменитые гигантские секвойи североамериканского континента покажутся чахлым кустарником.

Барная стойка, явно работы местного умельца, была заставлена разнокалиберными бутылками, стаканами, кружками и бокалами. Причем настолько плотно, что, казалось, места еще для одной емкости уже не найдется.

— Больной человек, — осмотревшись по сторонам, только и сказал Трофим.

— Игорь, Трофим, проходите, присаживайтесь где удобно. — Жамыхов гостеприимным жестом указал на стулья, диваны и кресла, которых тоже хватало с избытком.

Помимо самого Петровича здесь находились еще пятеро, и я кивнул им всем сразу: с утра виделись. Они возглавляли отряды, собранные из добровольцев разных поселений. Затем расположился в кресле, чтобы наме-

ренно оказаться спиной к глухой стене, на всякий случай, лишним не будет.

Трофим, подойдя к стойке, взял одну из бутылок, поражавшую своей замысловатой формой, звучно вынул пробку, понюхал содержимое, криво усмехнулся и поставил ее обратно. После чего занял место в углу, скрестив руки и ноги, хотя в шаге от него находился стул. Теперь под его контролем находилось все помещение, а сам Трофим за спинами остальных. Вообще-то земной опыт Трофима делает его отличным советчиком, когда решаются вопросы, касающиеся военных действий. И все-таки лишняя забота о моей шкуре не помешает.

— Значит, так, Игорь, собрались мы для того, чтобы решить, что делать дальше.

Жамыхов провел ладонью по совершенно седому ежику на голове. Что неудивительно, учитывая его возраст — под пятьдесят. Выглядел он крайне усталым, и даже цвет его лица был, что называется, землистым. Тоже понятно — трудный переход и еще ответственность за жизнь людей, которых он сюда привел.

— Догадываюсь, Андрей Петрович.

От многих привычек нам с трудом удастся избавиться. Например, обращаться уважительно к человеку, который в два раза тебя старше. А еще Жамыхов удивительно походил на моего университетского преподавателя физики.

— Мы тут успели немного обговорить, пока вас не было, — признался он. — Теперь хотелось бы услышать твое мнение. Что обо всем думаешь?

— Могу только предполагать. — Пожать плечами у меня получилось непринужденно. — Безусловно, хотелось бы с перквизиторами покончить раз и навсегда, но для этого как минимум необходимо иметь представле-

ние, где их теперь искать. Знаю от языков — не так далеко отсюда у Гардиана имеется, так сказать, запасное логово. Там все подготовлено к той ситуации, которая у него сейчас сложилась. Возможно, именно туда они и направились.

«Или куда угодно», — мысленно добавил я.

— Да, это самая большая проблема — напасть на их след. Удержать здесь надолго всю эту массу людей у нас не получится. Но на какое-то время нам придется остаться.

«Да хоть на месяц! Теперь, когда нашел Леру, куда мне особенно торопиться? Ну разве что на побережье, чтобы начать задуманное совместно с Филом дело».

— Андрей Петрович, от меня-то что требуется? Какое-то время будем считать, что я и мои люди находятся, так сказать, в вашем подчинении.

После этого заявления оставалось только надеяться, что он не начнет разбрасываться приказами.

— Требовать от тебя ничего не буду, но просьба одна есть.

Мне едва удалось удержаться от того, чтобы не покривиться: сейчас он скажет, что необходимо куда-то отправиться на поиски перквизиторов. Уверяя, что, учитывая наш опыт, в том числе и столкновений с перквизиторами, никто не сможет справиться лучше. Но нет, предложение было достаточно неожиданным.

— Игорь, жадры заполнить сможешь? — Он не спрашивал, он просил.

— Семьдесят штук. — И пояснил в ответ на его недоуменный взгляд: — То количество, после которого рука у меня останется нормальной. Но стоит только его превысить... — Вот теперь я действительно поморщился, вспомнив, как выглядела моя ладонь после сотни.

Красная, как будто долго держал ее в кипятке, кисть поочередно то немела, то дергала острой болью. Но самое жуткое было в том, что пальцы какое-то время жили своей собственной жизнью, сгибаясь, растопыриваясь, сжимаясь в кулак, а то и вовсе начинали хлопать по внутренней части ладони. Жамыхов неожиданно повеселел.

— Этого вполне хватит. — И наконец пояснил: — Тем, которых отправлю на поиски, твои жадры очень бы помогли.

«Твои» он выделил интонацией. Согласен, мои жадры в сравнении с теми, что выходят из-под рук других эмоционалов, небо и земля по своей силе. Но главное отличие — их можно не экономить. Жадры уберут боль, оставят спокойным и расчетливым в любой, пусть даже самой стрессовой ситуации. Жаль только, что для меня лично жадры как были, так и остаются красивыми янтарными каплями величиной с некрпную сливу.

— Петрович, только организуй, чтобы все по уму было, — подал голос Трофим.

— Сделаем, — только и ответил тот. — Кстати, когда начнем?

— Можно прямо сейчас.

А зачем откладывать? Как любит говаривать Боря Гудрон — быстрее сядешь, быстрее выйдешь. Мероприятие займет около получаса, и тогда я буду свободен весь остаток дня. Который посвящу прежде всего Лере. И еще разбору трофеев, а их благодаря поспешному бегству перквизиторов на удивление много. Давно хотел обеспечить связь между каждым нашим бойцом, и наконец-то такая возможность появилась. К тому же неплохо бы обсудить один из рассказов Леры. По дороге в Центр было совсем не до того, сейчас же чем не отличная возможность?

На островах, когда Валерия умудрилась сбежать от похитивших ее перквизиторов, ей невероятно повезло. Точнее, там была целая цепочка чудесных везений, когда, перебираясь с одного острова на другой, девушке удалось добраться до побережья. Без оружия и снаряжения, без припасов, а самое главное, без глотка питьевой воды. К тому же местность буквально кишит хищниками всех мастей и размеров, водоплавающими и земноводными. После ее рассказа собственные блуждания в одиночестве по джунглям дикой планеты показались мне увеселительной прогулкой.

— Как же хотелось пить, Игорь! — рассказывала она. — Знаешь, повстречайся мне тогда кто угодно, я бы согласилась на все ради нескольких глотков воды. На все! И мое счастье, хотя, наверное, больше твое, что никто не встретился. — Девушка рассмеялась. И неожиданно обиделась. — Ты-то чего улыбаешься?! Не ревнуешь, что ли?

— Подумал, жалко, что наша первая встреча не произошла именно тогда. Ведь мне бы не пришлось вокруг тебя столько времени устраивать брачные танцы.

— Два дня — это «столько времени»?! Ах да, ты же у меня эмоционал с огромным даром, остальные в подметки тебе не годятся, и в твою постель любая женщина сама прыгнет.

— Увы! Пока я был с тобой незнаком, некому было ко мне в постель прыгать, поскольку свой дар от всех скрывал, чтобы без головы не остаться. А когда познакомился, мне уже никто не стал нужен.

— Ладно, верю на слово. Так вот, можешь себе представить, листья жевала, чтоб хоть чуть-чуть жажду утолить. Тут смотрю, вот оно, побережье, до него небольшая полоска воды, а справа водопад. Мечтала о ручейке,

лужице, и вдруг такой водопадище, куда там какому-нибудь Ниагарскому! Стою на берегу, а в воде те самые тюлени, которые здесь как акулы. И пить хочется жуть, и плыть нельзя, и что делать не знаю. Плакала бы, если было бы чем плакать.

— Они и на берег умеют выбираться.

— Знаю! Я пока по островам путешествовала, настолько повадки всех этих тварей изучила, что энциклопедию смогу написать.

— И как же ты все-таки перебралась?

— С закрытыми глазами. Увидела, что они куда-то в сторону подались, в воду бросилась, и будь что будет! Все равно умирать без воды. Плыву, глаза зажмурены, и все жду, когда в меня зубы вцепятся. И открыть бы их нужно, вдруг не по прямой плыву, и не могу их отжмурить.

— Нет такого слова.

— Теперь есть! Ты дальше слушай. Плыву так быстро, как только могу, и вдруг сильный удар в голову. Ну все, решила, сейчас грызть начнут. А это камень у берега, сама в него воткнулась. Выбралась, сижу и смеюсь как дура — перебралась! Представляешь, голову рассадила, кровь по лицу, а у меня смех такой, что трясет всю и качает из стороны в сторону.

— Там действительно был водопад?

— Да. Вода в нем ледяная, вкусная! Наверное, ничего в моей жизни вкусней еще не было. Разве что твои поцелуи. Но пила по глоточку. Помню, как ты мне рассказывал — категорически нельзя пить сразу много, иначе вода ядом окажется.

— Ну не ядом, но последствия будут самые плохие. И для суставов, и для почек. А что было потом?

— Потом? Потом попыталась разжечь костер, но ничего у меня не вышло. Кстати, пробел в моем образовании, лагуна, так сказать. А тебе минус!

Согласен, причем жирный. Старался научить всему, что умею и знаю сам, но кто же мог знать, что так все обернется?

— Плюнула, в общем, и пошла на север.

— Почему на север? Аммонит на западе расположен.

— Ага, чтобы туда пойти, нужно было опять на островах перебираться, а я их до конца своей жизни буду ненавидеть! Там местность такая, что береговые скалы на глубину уходят, а лодки у меня нет.

— А тех троих ты когда встретила?

— Которых пришлось убить?

— Именно.

— Через два дня. Мы нос к носу столкнулись. Игорь, а ты бы меня принял, если бы?.. Сам понимаешь, о чем хочу сказать.

Если бы они сделали с тобой то, что собирались?

— Да. Ты даже не сомневайся.

Я принял бы и после того, как отбил у перквизиторов, у которых все женщины общие. Потому что твоей вины в том, что произошло, нет. Она вся лежит на мне: не смог защитить.

— А эта троица как там оказалась?

— Вот уже чего не знаю. Знаешь, мне их несколько не было жалко. Единственное, пожалела, что без лодки они. Зато нашлись продукты, оружие и много-много других полезных одинокому путешественнику вещей. А потом меня укусила какая-то ядовитая гадина. И если бы не Александр с Михаилом, остаться бы мне там навсегда. Вот мы и подошли к самому главному. Не напрягайся, они были хорошими, пальцем не тронули. И в

Светлый практически на руках принесли. Вернее, по реке привезли на лодке.

— Я и не напрягаюсь.

— Не ври, я же вижу. Они порядочные парни. Жаль только, что Александра уже нет. А сказать тебе хочу вот о чем. За день до того, как с ними встретила, мне пришлось взобраться на гору. Там место такое, что по берегу никак. Тогда-то я и увидела.

— Что именно?

— Много-много домов, если смотреть в сторону моря. Хотя и не уверена, что не показалось. Когда меня эта тварь укусила, мне постоянно что-то начало мерещиться. То шаги сзади, совсем близко, буквально за спиной... То чьи-то голоса и даже пение. Иной раз до видений дело доходило. В себя приду, и страшно становится. Такое впечатление, что умом трогалась временами. Там острова от побережья довольно далеко отходят, и, если на гору не взобраться, дома и не увидеть. Только кому в голову придет на кручу карабкаться, если есть лодка? Но еще раз говорю, не уверена, что не галлюцинации. Ты даже представить себе не можешь, что я там увидела! Домов как будто целый город! Стекла в домах блестят, краны какие-то, еще что-то. Сколько там всего можно найти! Или организовать новое поселение, как ты мечтаешь.

— А люди там были?

— Если они и были, не разглядеть. Но, повторюсь, не уверена, что не показалось, слишком меня колбасило.

— Игорь! — Голос Жамыхова вырвал меня из воспоминаний. — Игорь, ты где?

В мечтах о новом поселении. Обнаружить пусть не город, но несколько домов со всеми земными предмета-

ми внутри — удача грандиозная, с какой стороны ни взгляни.

— Задремал?

Можно сказать и так.

— Готов я, Петрович, готов. Давай жадры, сейчас и заполню.

— Вот и ладушки.

Жамыхов уже собрался отдать приказ одному из своих людей, когда за окнами послышались встревоженные голоса. Хуже того, зазвучали выстрелы, которые тут же переросли в ожесточенную перестрелку.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Что было особенно паскудным — стрельба доносилась с юга, откуда мы и пришли в долину. Ее ждали, заранее предполагая, что перквизиторы нанесут ответный удар, но почему именно оттуда? Где им там было спрятаться, чтобы мы не смогли обнаружить их по пути? Долина большая, но не гигантская. Западный ее край — сплошные скалы с высоченными отвесными стенами. На востоке — болото, и в здравом уме туда не полезет никто. И множество частью завалившихся набок зданий на всей ее протяженности. Но даже если такое место нашлось, почему они не атаковали раньше, когда оказались у нас в тылу? И самое страшное — где-то в той стороне оставалась Лера в компании с Ирмой и Артемоном, поскольку я посчитал — именно там, в тылу, девушки будут в безопасности, а Янис должен о них позаботиться.

По лестнице на первый этаж я сбегал, прыгая через несколько ступенек сразу, слыша за собой топот ног

Трофима. Стрельба не утихала, мало того, она приближалась.

— За мной! — пробегая мимо Гудрона и остальных, вскочивших при моем появлении, через плечо бросил я. — Надо выручать Яниса и девушек.

Это был не приказ. Здесь не армия, где невыполнение любого из них грозит серьезнейшими последствиями, если не трибуналом. Но я полностью был уверен — никто не останется в безопасном, способном выдержать долговременную осаду здании Дома культуры, где окна прикрываются массивными металлическими ставнями с амбразурами, в стенах появились бойницы, не оставляющие мертвых зон, а кровля вообще представляет собой нечто похожее на огромную верхнюю площадку крепостной башни с парапетами. Но тем мы и близки друг другу, что, не задумываясь, бросимся на выручку тому из нас, кто попал в переделку. И потому не удивился, услышав за собой топот теперь уже нескольких пар ног.

Прежде всего предстояло преодолеть участок, где не найти никакого укрытия, чтобы оказаться в обычном двухподъездном доме из бруса. При переносе ему не повезло угодить на ровное место, и потому он стоял под наклоном.

Обычно в таких случаях кто-нибудь из наших, а то и все сразу стараются меня обогнать, чтобы встретить неприятности первыми. Но сейчас я несея так быстро, что при всем желании у них не получилось бы. Мчался, готовый в любой миг со всего размаху упасть на землю. Сожалея о том, что у головы, в отличие от туловища, которое прикрывал надежный бронезилет из пластин гвайзела, кроме банданы из лоскута камуфляжной ткани, никакой другой защиты нет.

Хруст оконного стекла, и мы оказались внутри.

— Свинарник! — одним словом, но удивительно точно охарактеризовал Гриша то, что там увидели.

Грязь, кучи гнилого тряпья, какие-то обломки, обрывки, обглоданные кости и прочий мусор.

— В свинарниках убирают время от времени, а здесь! — Трофим потряс головой, морща нос.

— Нам тут не жить, — сказал Гудрон. — Теоретик, куда теперь?

Самому бы знать. Часть дела мы сделали — успели убраться из Дома культуры до того, как его наверняка обложат со всех сторон. Потом долго уже не получится. Пока не вернутся те, кто встал заслоном на выходе из ущелья на севере. Именно там и сосредоточены наши основные силы, ведь атака предполагалась оттуда. Но вполне может быть, их свяжут боем, чтобы разгромить нас по частям.

Сложность была в том, что я понятия не имел, где находятся девушки. Успокаивало одно — с ними должен быть Янис. Опытный Янис, которому приходилось бывать и не в таких ситуациях. Наверняка Артемону хватит ума затаиться в укромном месте, переживая, когда все закончится. Если оно найдется поблизости, и если на них не наткнутся раньше. Насколько все было бы проще, имейся у нас связь!

— Игорь?!

Остап прав — задерживаться категорически было нельзя: ближайшее к резиденции Гардиана укрытие. Вокруг полно и других, но перквизиторы могут оказаться именно здесь, причем в любую минуту. Стрельба не утихала, но теперь она разбилась на несколько очагов. И поди пойми — то ли перквизиторов прижали, то ли наоборот, а возможно, и то и другое сразу.

— Значит, так. Мы с Трофимом рывком в дом напротив, вы прикрываете.

Следующему строению — пятиэтажной хрущевке не повезло еще больше: она вообще лежала на боку. Ровнехонько так лежала, и без всяких трещин. Наверняка так с Земли и перенеслась. Иначе, завались бы она уже здесь, и если бы и не рассыпалась, отметин на ней хватало бы. Выглядела пятиэтажка крайне нелепо, когда оконные проемы походили на дверные, а балконы располагались вертикально.

И я уже приготовился к броску в соседний дом, когда послышался Гришин голос. Его и сонным не спутаешь: сам мелкий, что ростом, что сложением, но всегда бацит. И ведь не пытается казаться внушительней — от природы такой.

— Так, здесь какие-то люди, трое!

Он, весь напружиненный, с оружием наготове, замер у края дверного проема, всматриваясь в глубину одной из комнат. Их было множество — разделенных перегородками крошечных отсеков, где с трудом смогли бы разместиться несколько человек. И лишь по той причине, что спальные места — обычные нары — были двухъярусными.

— Трофим, наблюдай! — Кивком головы я указал на дом, куда лежал наш дальнейший путь.

— Кто вы? — Дружелюбия в моем голосе хватало, тем не менее я держал под прицелом всех троих, готовый сразу же нажать на спуск, обнаружив хоть малейшие признаки агрессии.

— Черти, — сплюнул Гудрон.

Зная, что немалая часть его биографии связана с заключением, понять его было несложно. Выглядели они действительно так, как будто только что вылезли из по-

мойки, где провели ночь. Не говоря уже о вони, которая перебивала даже запах самого помещения.

— Что молчим?! — В голосе Гудрона хватало угрозы.

— Погоди! — громче, чем следовало бы, сказал Слава Проф. — Мне тут одна мысль пришла.

— Проф, я тебя бесконечно уважаю, но сейчас у нас времени нет. — Борис почти тараторил. — И заботят меня не мысли, а то, что не примутся ли они стрелять нам в спину, когда мы отсюда уйдем?

— Вряд ли, — не согласился с ним Остап. — Посмотри на них, они же как будто вусмерть обдолбанные.

— Именно это обстоятельство и имею в виду, — продолжил Вячеслав. — На мой взгляд, они — те самые «дети вазлеха», слишком все сходится. Сами же слышали: они после инициирования только и умеют, что жрать и выполнять приказы. И чем дальше, тем больше происходит деструкция личности, чтобы в конце концов такими и стать. — Он подбородком указал на тех, о ком говорил. — Только существа, которых лишили всего — воли, соображения и даже способности чувствовать боль, могут довести себя до такого состояния.

— Легко проверить, — заявил Гудрон. — Ты, — ткнул он в ближнего пальцем. И велел, наверняка не придумав ничего другого: — Упал, отжался!

Тот исполнил его команду с такой быстротой, как будто долго ее ждал, начав отжиматься от пола — раз, другой, третий, четвертый...

— Стоп, — не выдержал я, заставив застыть его как изваяние на полусогнутых руках. — Нет у нас времени устраивать представления.

— Других проверять будем? — поинтересовался Слава, указывая на то, что не ошибся.

— А смысл? — пожал плечами Гудрон. — Ну хоть живыми этих самых «детей» увидели, а то все жмуриками да жмуриками.

— Движение на двести десять, — отрапортовал Трофим, продолжавший наблюдать из окна.

— Кто именно?

— Пока не пойму: в зеленке мелькают, но четверых уже насчитал.

Все они немного шепелявили. Ну да, у каждого во рту жадры, а размером они со сливу. Тут тебе и спокойствие в любой ситуации, а самое главное, боли не будет даже при тяжелом ранении. Дело ведь еще и в том, что боль скрючит, и ты не сможешь сделать ответный выстрел, который спасет тебе жизнь. «А еще у них нет непонятно где находящейся Леры, которая для меня все».

— Трофим, так кого ты там увидел? Определил уже?

— Гарантированно перквизиторы. Игорь, пора уходить! Промедлим еще немного и встрянем.

Я понимал. Стрельба слышна уже на флангах, и необходимо уходить, причем срочно. Пройдет не так много времени, и с трех сторон окажутся перквизиторы. С четвертой будет пустошь, которую под пулями не перебежать.

— Все, уходим. За мной!

— Теоретик, а с ними что сделать? — Гудрон спросил таким тоном, как будто в данной ситуации это было для нас самым важным.

— Плюнуть.

Решение было рискованным, но иного выхода я не видел. Если не будем медлить, есть шанс перебраться еще в одно здание, которое представляло собой закусокную. Видел я такие только в американских фильмах, и называют их почему-то ресторанами. В меню всегда

есть олады, которые густо поливают кленовым сиропом. Явная стилизация, поскольку вывеска на ней была на родном языке. Понятно, что никакого отношения к перквизиторам она не имела, а именно в таком виде и перенеслась. Между западным торцом дома, где мы находились, и харчевней был густой островок растительности, который сумел бы прикрыть. Ну а дальше несложно попасть и в соседний дом. Большой, многоподъездный дом из бетонных панелей, где найдется и место для маневра, и неплохая защита от пуль.

— Гудрон где?! — зло спросил я, набираясь решимости перед тем, как выскочить из окна и броском преодолеть отделяющее нас от закуской расстояние.

Как будто бы никого не видно, впрочем, это совсем не значило, что где-то поблизости, скрытые кустами, не притаились перквизиторы.

— Здесь я, здесь! — подал голос тот, умудрившись отстать, когда мы пробирались к торцу строения, разнеся по дороге несколько фанерных перегородок.

— Почему задержался?

— В окошечко полюбуйтесь, — сказал Борис так, как будто нам предстояло узреть нечто захватывающее. — Да не в это, другое, которое выходит на Дом культуры.

Зрелище, которое мы увидели, действительно было не то чтобы завораживающим, но во всяком случае необычным. Все трое зомби неспешно брели, совершенно не обращая никакого внимания на то, что происходит вокруг. Шли как роботы, а последнего в их короткой цепочке трясло настолько, словно через него пропустили электрический ток. Они шагали неспешно, но целеустремленно, как будто бой вокруг них совершенно их не касался, совсем не боясь того, что в любой момент всех троих положат одной автоматной очередью. Подобного

быть не должно: у каждого человека на самом важном месте инстинкт самосохранения, который трудно, почти невозможно преодолеть. А эта троица так и продолжала вышагивать, пока не скрылась из виду.

— И куда же ты их отправил? — поинтересовался Трофим.

— Рукой направление указал, куда-нибудь да придут. А чего им в доме отсиживаться, когда все остальные воюют? — Гудрон ухмылялся.

— Шалунишка ты у нас, Борюсик!

— За Борюсика потом ответишь.

Слушая их взаимные колкости, хотелось скрипеть зубами от злости: ну почему жадры не действуют на меня?! Еще немного, и руки начнут трястись, как у того зомби, в то время как мне необходимо выглядеть образцом невозмутимости и спокойствия.

— Ну так что, навеселились? — Получилось довольно грубо. — Тогда вперед! — И, подавая пример, я первым выскочил из окна.

В закусную влетел рыбкой, чтобы тут же оказаться на коленях и повести перед собой стволом автомата. Где-то внизу хрустнуло, в ногу впился осколок стекла, заставив выругаться: останусь с одной ногой, и что тогда? Но нет, боль была не резкой, больше похожая на укол, к тому же отступила сразу. Следом вбежал Гудрон, едва не врезавшись в мою спину.

— Левая! — отдал я приказ почему-то шепотом, как будто перед этим мы не успели нашуметь.

Следовало прикрыть остальных, и потому я высунулся из окна. Осторожно так, готовый даже не согнуться — рухнуть при малейших признаках опасности.

— Гриша, ты что как слон топаешь? — встретил того Гудрон, как будто сам перебрался сюда без малейшего

звука. — Теоретика подмени. — И обосновал очередную заботу обо мне: — Ему думать за всех нужно. Да и вообще тебя не жалко.

У Гриши с юмором было все в полном порядке, и он только хмыкнул, пристраиваясь рядом со мной, благо окна размером с витрину.

Проблемы начались, когда к нам несся Трофим. Он запнулся перед самой дверью, невольно повторив мой маневр перед входом в закусочную, что его и спасло. Пули ударили на высоте спины, оставив на распахнутой двери пробоины, красиво подсвеченные лучами солнца. А еще нам повезло с тем, что он был замыкающим.

— Заметили, гады! — зло прошипел Остап.

— Уходим!

Теперь до необходимого нам дома оставались считанные метры, а прикрытие в виде закусочной позволяло пробраться в него незаметно для глаз перквизиторов. И еще хотелось верить — им и в голову не придет, что путь наш лежит в противоположную сторону от Дома культуры, отчего я лелеял надежду: они наш след потеряют. Перед тем как покинуть закусочную, дважды выстрелил. Наугад, только для того, чтобы на какое-то время их задержать. На миг замер, тщетно пытаясь услышать чей-нибудь вскрик, и бросился вслед за остальными.

Утром, разглядывая Центр по дороге к Дому культуры, я скептически думал, что те, кто занимается переносом сюда земных предметов, относятся к своим обязанностям на редкость халатно: собрать в одном месте столько домов и совершенно не заниматься их планировкой. Ну хотя бы видимость улиц создали. Так нет же, как будто взяли в гигантскую руку сколько вместилось и высыпали. Сейчас весь этот хаос был нам только на

пользу. С другой стороны, перквизиторы имели явное преимущество, поскольку отлично знали, что здесь и как. Куда ведет, например, вот этот узкий, едва можно протиснуться, проход между двумя зданиями? Тесный у самой земли, дальше он значительно расширился, поскольку одно из них стояло под наклоном, куда там знаменитой башне! Спрашивается, и как оно вообще держится? Но как бы там ни было, стоит только туда сунуться, не угодишь ли в тупик, а стены глухие, без окон. Если взять правее, окажешься в зарослях. Густых, которые надежно нас скроют. Но стоит себя обнаружить, как все, спасения нет. Рискнуть можно, но только в том случае, если точно знаешь, куда именно направляться.

Стрельба в Центре практически стихла, и я старательно прислушивался в надежде, что до нас донесутся звонкие щелчки винтовок Артемона и Ирмы. Хотя, возможно, они притаились и стараются ничем себя не выдать. Был еще вариант, о котором не хотелось и думать. С Лерой вряд ли что-нибудь произойдет: слышал я, Гардиан, недоделанный фюрер, объявил Теоретика своим личным врагом, да и сама девушка ему интересна, но судьбе Ирмы и Яниса, попади они в плен, не позавидуешь. «Как же было бы замечательно, будь у нас связь!» Наверное, в тот момент я поморщился, поскольку Остап предложил:

— Игорь, давай перевяжу.

Поначалу и не понял, что он обращается ко мне, обратив внимание на пропитанную кровью штанину на колене.

— Не надо.

Боль почти неощутима, к тому же не так ее и много, крови. Пора было что-то делать, и я отважился.

— Поднимаемся на чердак: для начала осмотримся. Ну и перебраться в соседний подъезд проще простого.

— Высота — это то, что нам сейчас и нужно, — не задумываясь, кивнул Трофим, и я окончательно определился с решением.

Выскочив из квартиры в подъезд, я бежал вверх по лестнице, зажав приклад ФН ФАЛа глубоко под мышкой. Эта система точно не для зачисток помещений: слишком габаритная, не развернешься. Идеально подошел бы пистолет-пулемет, с его скорострельностью и маневренностью. С моим оружием нужно разгуливать по пустошам, где мощность патрона и замечательный бой одиночными позволят проявить его во всей красе. Но наган, чья рукоять торчала из кармана разгрузки, подходил еще меньше. Бежал и думал: дом продолжает стоять на Земле, в каком-нибудь захудалом городе, даже не подозревая, что у него есть двойник, и он, тот, земной, заселен людьми. Счастливыми и не очень, к чему-то стремящимися, чего-то уже добившимися или живущими одним днем, а там будь что будет! Но все они не обитают в пустых, с ободранными стенами квартирах. То и дело заглядывая в двери там, где они были распахнуты, я наблюдал одну и ту же картину — абсолютную пустоту. Ну разве что мусор. Причем уже из этого мира — листва, ветки, что-то непонятное. Если бы этот дом, пустынный и заброшенный, мог мыслить, наверняка бы он пожалел о своей судьбе не меньше меня. Чушь, но она позволяла отвлечься от мыслей о Лере. Что тревожило — не из каждого подъезда можно взобраться на крышу. И, если нам не повезло, придется спускаться вниз. Или перебираться через балкон на соседний. У всех на виду, с риском словить пулю от чужих и даже своих.

— Стоп! — Голос Трофима прозвучал как приказ.

Я застыл, прислушиваясь, заодно поведив стволом автомата перед собой. Убедившись, что опасности нет, вопросительно на него посмотрел: в чем причина?

— Вам не кажется, что дом шатается?

В какой-то миг мне и самому пришла такая же мысль — дом качнулся, и мне даже пришлось ухватиться за перила, чтобы восстановить равновесие. Но тогда я сделал резкий поворот, вслед за лестницей.

— Как будто бы да, но полностью не уверен, — первым высказался Слава Проф.

— Вот и я тоже, — поддержал его Остап.

И тут, отметая всяческие сомнения, дома качнуло снова. Сильно, причем настолько, что все мы едва удержались на ногах. А потом дружно замерли. Можно быть отважным до безумства и готовым к любой опасности, но когда многоэтажный дом, в котором ты находишься ближе к последнему этажу, грозит завалиться набок, сердце дрогнет у любого. Как выразился однажды Боря Гудрон, пусть и в другой, но такой же непривычной ситуации — жизнь меня к такому не готовила. И еще стало понятно — почему в принципе добротнейшее здание не заселено хотя бы на нижних этажах.

— Вниз!

Мы неслись, даже не пытаясь соблюсти хоть какую-то тишину. Каждый хотел выскочить на улицу и убраться отсюда как можно быстрее. Теперь все поменялось, и я оказался последним, в голову лезло единственное — все успеют выбежать из дома до того, как он начнет заваливаться, а мне не повезет. Здание шатнуло в очередной раз, когда мы находились между вторым и первым этажами. И все-таки перед тем, как из него выскочить, мы дружно остановились у самого входа в

подъезд. Борис, осторожно выглянув, тут же отпрянул, чтобы провести растопыренными пальцами по щеке сверху вниз, на миг оторвав их от оружия. Это всегда означало одно — перквизиторы!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Именно таким жестом всегда перквизиторов и обозначали, причем повсеместно. Не знаю, моют ли они рожи перед тем, как лечь спать, но при встречах с ними они у них непременно покрыты камуфляжными полосами. Что и понятно: ничто так не выдает в джунглях, как овал лица, а в особенности — глазные впадины, пусть даже ты будешь трижды загорелым.

Гудрон напрягся на миг, заставив всех сделать то же самое, затем поочередно показал сначала полностью пятерню, после чего добавив еще три пальца. Восемь — получалось, их почти вдвое больше и на нас хватит с лихвой. К тому же мне совсем не хотелось лишиться даже одного человека. Особенно вот так, в случайной перестрелке.

Дом качнулся в очередной раз, что в самом низу, практически на уровне земли, не слишком-то и ощущалось. Но откуда-то сверху донесся скрежет, самый что ни на есть душераздирающий. Сердце замерло снова в ожидании, что сейчас он начнет заваливаться. Сначала медленно, затем все стремительней и наконец рухнет, обязательно подняв огромное облако пыли. Спасти не удастся даже при невероятном стечении обстоятельств. Но случись чудо, некому будет нас извлечь из-под рухнувших перекрытий, панелей и прочих элементов здания. Нет здесь специально обученных собак,

техники и спасателей. А если, наплевав на все, выско-
чить на улицу, шансов выжить не больше.

— Проф, не вздумай чихнуть! — Трофим конечно же шутил, пытаясь разрядить обстановку. Жадры жадрами, но умирать не хочется никому.

— Борис, что там?

Судя по тому, что Гудрон заметно расслабился, пер-
квизиторы успели уйти достаточно далеко, и помимо
того, что дом рухнет, я опасался, чтобы меня не подвел
голос.

— Сваливают. И еще, готов поклясться, половина из
них — «детки».

«Детей вазлеха» можно использовать как угодно. От
боевиков, которые невзирая ни на что будут идти на-
пролом, до самых настоящих шахидов — достаточно об-
вешать взрывчаткой и отдать приказ.

— Рюкзаки на этой четверке мне не понравились, —
продолжил он.

— Считаешь, смертники?

— Скорее — не исключая. И еще думается мне, что
они с запада хотят к нашей твердыни подобраться.
Вдоль стеночки.

Дом шатнуло снова, но вся острота ощущений куда-то
ушла. Возможно, его шатает уже который год подряд,
и каков тогда шанс, что он завалится именно сейчас? Я
надеждой прислушался к звукам с севера, ведь именно от-
туда и должно прийти подкрепление. По времени как буд-
то бы уже пора, но не возникли ли у них такие же пробле-
мы, что и у нас, и теперь они связаны боем?

— С запада зеленка почти вплотную к Дому культуры
подходит. Метров тридцать, не больше, — заговорил
Трофим.

— И?..